

Весь мир замедлился в этот момент. В этот затянувшийся момент только голос Мастемы звенел торопливо: «Ножи на прилавке! Хватай один!»

На долю секунды ее взгляд метнулся к острым инструментам, сверкающим на расстоянии вытянутой руки, а затем тут же отдернулся. Из открытой двери теперь лился поток света свечей, распространяясь, словно рассвет, крадущийся в овраге проклятых. Это произвело такой странный гипнотический эффект, что, как бы она ни старалась, Корделия не могла отвести глаз. Затем вошла фигура, распространяя свет в каждый незатененный угол. Даже когда ее фамильяр прошипел резкие предупреждения и умолял ее вооружаться, человек обернулся. Между ними ничего не было. Свет падал на Корделию: на ее ужасное лицо, на ее окровавленную юбку, на ее покрасневшие руки. Все это морщинистое лицо мгновенно увидело и расширилось, когда пришло осознание.

«Убей женщину сейчас же!» — закричал Мастема, звеня, словно гулкий колокол среди огня. «Пока она не встревожила весь город!»

Маленькая, съезжившаяся старушка; на ее голове была накинута темная шаль, на пораженном лице — густые седые пряди. Старые конечности были такими слабыми и медленными, что Корделия могла следить за каждым движением с томной легкостью, отмечая даже вибрацию в руке, держащей свечу. Было мало сомнений, что Корделия успеет добраться до ножа прежде, чем старушка сможет полностью понять ситуацию.

И тогда она могла бы и убить.

Громко всхлипнув, Корделия вышла из оцепенения и бросилась к ее ногам, схватившись руками за юбку женщины.

«Нет! Не зовите, умоляю вас!» — отчаянно закричала она. «Меня ищут! Не зовите!»

«Но кто... ты?» — голос старухи был хриплым, испуганным и дрожащим. Но она не закричала. «Кто тебя ищет?»

«Ложь!» — раздалось шипение Мастемы.

«Я убила», — выпалила Корделия, почти всхлипывая, или уже всхлипывая, — «Я убила человека... Я не хотела — но он пытался... пытался...»

«Тише, тише», — женщина наклонилась, все еще сбита с толку, но она успокоила Корделию. «Успокойся, я никого не позову, слышишь? Спокойно!»

Корделия подняла глаза: «Позвольте мне остаться до ночи! Только до ночи! А потом я уйду!»

«Нет, нельзя», — сказала женщина и выпрямилась, прямее, чем прежде, когда она вошла в

комнату, пытаюсь поднять Корделию на ноги. «Нельзя. Не здесь. Но идите следом. Дальше есть комнаты».

Корделия кивнула. И, несмотря на протесты и предостережения Мастемы, она затаила дыхание, лицо ее побледнело, как у призрака, и она прижалась к старухе, когда та вышла тем же путем, которым пришла. За ней был длинный коридор, идущий параллельно длине хижины. Сначала женщина осторожно просунула голову, осмотрелась, затем, убедившись, что вокруг нет ни души, она дала знак Корделии следовать за ней. Их шаги отдавались эхом почти так же громко, как сердце Корделии. Было темно, как в темнице, за исключением пятна естественного света в дальнем углу, где коридор изгибался. На противоположной стене были двери через равные промежутки стояли молча, но старуха прошла дальше.

Корделия сначала не обратила внимания на внешний вид этого места, но по мере того, как они шли, ей пришло в голову, как странная вещь, как в городе с в основном маленькими и ветхими домами может быть такое большое здание. Ведь она наверняка не дошла до самой крепости, и это не был путь в стены. Но теперь в этом не было ничего. Она следовала за светом свечи и медленным шагом старухи. И когда освещенный угол оказался рядом, женщина резко повернулась и толкнула дверь. Это была последняя комната в коридоре, маленькая, как гардеробная. Соломенная кровать лежала у противоположной стены, маленький квадратный стол и стул рядом с ним. Все это имело пыльный запах, говорящий о долгих годах неиспользования.

Старушка уже была у двери, когда Корделия осмотрела новое окружение осторожными глазами. «Я вернусь. Не шуми, пока не услышишь стук в дверь!» И она поспешила уйти, закрыв за собой дверь.

Корделия снова оказалась в темноте, только очень слабый свет пробивался сквозь щель под дверью. Она тихо упала на соломенную кровать, заламывая руки, и почувствовала, как засохшая кровь прилипла к ним. Комната воняла своим запахом. Запахом смерти. Вонь убийства. Как же она боялась, что это выдаст ее, если пройти мимо незапертой двери! Но она также боялась одинокой темноты, могильного пространства, как и укоризненных человеческих глаз, будучи беглянкой из мира дневного света. Она не осмеливалась дышать громко, и какое-то время была слишком напугана, чтобы пошевелиться с того места, где сидела. Как будто даже в этом запертом месте были глаза наблюдающие за ней, обвиняющие.

Долгое время ее разум целиком занимал непосредственный страх быть обнаруженной. Ее мысли блуждали о поисковой группе, которая, возможно, ищет ее прямо сейчас. Только ремесленники на улицах видели ее лицо, и все же по большей части они избегали ее умоляющего взгляда, хотя, возможно, одного взгляда было достаточно, чтобы позже опознать незнакомку в городе. Только женщина, та проститутка, хорошо ее разглядела; и тот грубый мужчина тоже. Что случилось с той женщиной? Что сделал этот мужчина? Корделия могла никогда не узнать. Она не смела об этом думать. Ее затуманенный мозг вряд ли мог позволить себе беспокоиться о другом человеке.

Она хотела закричать. Почему это должно было случиться с ней? Неужели тоска по мирной жизни была такой жадной, что ее нужно было так наказать? И разве она не сделала доброго дела или хотя бы попыталась сделать доброе дело, пытаюсь спасти эту женщину? Может быть,

это она была неправа, и апатичные ремесленники были правы, что не вмешивались. Просто деловые споры, так они думали. И может быть, это было правдой, может быть, тот мужчина в конце концов все же заплатит недостающие монеты, и проститутка будет довольна этим последующим расчетом. Тогда ради чего она убила? Такая глупая и бесполезная эта тварь! Она была трусливой идиоткой! Если бы только она не подошла к той женщине тогда — так она была полна надежд и фантазий о будущем, такими яркими были видения, всего лишь за несколько мгновений до того, как ее взгляд роковым образом упал на ту проститутку. Она ошиблась. Конечно. Но разве можно ошибаться? Разве нельзя совершить ошибку один или два раза? Или несколько раз больше? Почему она должна быть наказана за попытку сделать добро? Это абсурд. Абсурд. Какая же тогда польза от совести в мире, столь морально несостоятельном? Почему она должна бояться, бежать и совершать преступления за попытку сделать добро? Если это должно быть ее справедливым воздаянием, то зачем вообще беспокоиться? Она должна была воспользоваться темной скрижалью и своей измененной душой, но почему она этого не сделала?

Кровь воняла еще сильнее, потому что она зарылась лицом в эти запятнанные руки. Так много крови вытекло из этой пронзенной груди. Так много крови содержалось в мешке плоти. Но действительно ли этот человек умер? Она даже сейчас могла видеть, что его руки двигались. В сонном пути мертвеца или демона, двигаясь к ее горлу, сжимая его вокруг него. Многие десятки рук,двигающихся, ищущих, ощупывающих, со всех мест, для всех мест. На каждую из этих скрюченных вонючих рук, которые она отрубила, вырастала другая, приближающаяся, держащая, хватающая в бесконечной тишине.

Ее крик пронзил завесу. Кто-то стучал кулаками в дверь так громко, что это отдавалось в ее барабанных перепонках. Но затем ее острые чувства смягчились, и она поняла, что ровный стук на самом деле был нежным, слабым. Скучный свет под дверью давно исчез, на его месте был теплый свет свечи. Как долго она спала, Корделия не могла сказать. Только все ее тело было напряжено, словно подвергалось мучительной позе в течение нескольких дней. Она поискала руками и нашла спинку стула, оперлась на нее, нашла стену, последовала по ней.

Дрожа, она приоткрыла дверь и увидела лицо незнакомого мужчины. Она захлопнула ее. Он не проталкивался внутрь, но она забаррикадировалась спиной всем своим телом к дереву. С другой стороны слышались шепоты. Один из тихих голосов принадлежал старой женщине.

«Это я, дорогая», — сказала женщина, снова тихонько постучав в дверь. «Открой дверь, ладно? Я буду единственной, кто войдет».

На это Корделия отступила от двери с неохотой и напряженными глазами, готовая защищаться, позволяя ей распахнуться внутрь. И вошла женщина, принося свечу, и поставила ее на стол. Затем она вышла, что-то прошептала и получила поднос.

«Поешь, потом поговорим», — сказала женщина, ставя на стол хлеб и тарелку супа.

Корделия медленно поглощала скучную еду, время от времени ее глаза перемещались к двери. Еда, хотя и теплая, имела привкус кислой воды и грязи для ее пересохшего языка. Все это время она молча осознавала напряженный взгляд женщины. Однажды женщина резко встала,

сказав: «Глупая я, чтобы полностью забыть, ты должна умыться и переодеться! Думаю сестра Марлен должна иметь что-то твоего размера». Она подошла к двери, приоткрыла ее и снова прошептала. Корделия мысленно отметила присутствие за дверью и знала, что комната охраняется.

После трапезы старуха все еще смотрела. Затем, когда Корделия отвернулась, снова с опаской посмотрев на дверь, она почувствовала, как рука женщины коснулась ее лица. Но, что удивительно, она не отпрянула, а только замерла.

«Бедный ребенок», — сказала женщина, ощупывая ссадины и синяки на своем лице.

«Что случилось?» — первой спросила Корделия, хотя сама не была уверена, какой ответ она ищет. «Они ищут меня?»

«Здесь вы будете в безопасности».

Взгляд Корделии снова метнулся к двери. «Откуда мне знать? Что это за место?»

«Ты сидишь в доме Божьем, дитя. Тебе не будет причинено никакого вреда».

«Бог? Какой Бог?» — спросила она со страхом.

Глаза женщины на мгновение затуманились, но не дольше, чем на мгновение, прежде чем заговорить. «Единственный и неповторимый. Здесь находится Его храм, где никакая светская власть не сможет добраться до тебя».

«Ты жрица?» — поняла она. Слишком часто она в последнее время имела дело с темными богами фей, что забыла о главном в этом мире. Боге рыцарей, Главе добрых богов.

«Только слуга в Его доме. Разве ты не из этой земли?» Она нахмурилась.

«Нет», — быстро ответила она. «Прошел всего день с тех пор, как я пришла. Я не знаю местных религиозных обрядов. Простите меня».

«Все в порядке, дитя. Мы все дети Божьи, здесь или где угодно; здесь ты будешь в безопасности, как и любая душа на земле. Теперь ты успокоилась? Вымой руки, и я расскажу тебе, что узнала».

"Да."

И старуха устроилась на соломенной кровати, оставив Корделию присматривать за ведром с

водой. «Это правда, стражники искали тебя, хотя они знают, только то что видели там молодую женщину с мужчиной, которого теперь нашли мертвым. Да помилует его душа. Никто не знает наверняка, как это произошло, но некоторые говорят, что этот человек, должно быть, совершил бесчестные поступки».

«И все же они меня ищут?»

В этот момент змея у нее на запястье зашипела. Она тут же отпрянула от ведра, устремив взгляд на открывающуюся дверь.

Вошел тот мужчина, что был раньше. И рука женщины нежно легла на ее плечо. «Боюсь, что нет. Это отец Сергей. Он разрешил вам остаться здесь на столько времени, на сколько вы пожелаете».

Мужчина одарил ее обезоруживающей улыбкой, которая расширила морщины на его лице, которому за пятьдесят. Винный цвет его рясы почти выцвел и потерялся, свободно свисая на его худощавом, почти хрупком теле.

Он отдал обещанную тунику женщине и отступил в дальний угол комнаты, к двери, и тихо сказал. «Все, как сказала сестра Бирна, дитя. С твоего позволения, мы сохраним твое существование известным только ей и мне. Но другие в этом доме не спросят, если я не скажу. У тебя есть друзья в этом городе?»

Она кивнула, но потом подумала, что это грубо. «Да, отец», — сказала она. «А как насчет законов этой страны? Меня будут преследовать?» Ее глаза сузились.

«Среди стражников много возмущения», — осторожно сказал он. «Если вы отдадите себя господину Камаричу, как только он вернется, будет справедливый суд».

«А что тогда? Он меня повесит за убийство человека?»

«Конечно, нет!» — воскликнула сестра Бирна. «Твои раны говорят об ужасном деянии этого человека! Хотя да помилует Бог его душу!»

«Господин Камарик — гордый человек, — сказал отец, — но не жестокий судья. И как рыцарь он справедлив. Его нечего бояться».

«Ты не знаешь, ты только догадываешься!» — вдруг повысила она голос. «Я не доверяю тому, кто хозяин... такого человека!»

«Да, дитя», — терпеливо ответил мужчина. «Я только говорю тебе то, что, по моему мнению, произойдет. Со своей стороны, я не считаю тебя убийцей, которую нужно сдерживать. Я не передам тебя страже, если ты этого боишься. Но есть вещи, которые мы можем сделать, я

думаю; мы можем связаться с твоими друзьями для тебя. Ты им доверишь?»

«Конечно же», — сказала сестра Бирна, — «если ты этого не сделаешь, у нас есть экипаж, который отец Сергей часто нанимает, чтобы ездить по деревням, и есть мысль, что мы можем провезти тебя через ворота, куда пожелаешь».

На это сердце Корделии подпрыгнуло от радости, вся тяжесть, с которой она была тут же улетучилась. Кто бы мог подумать о таком внезапном повороте событий. Ведь это был верный способ избежать ее наказания. Это было почти слишком идеально, даже слишком. Мало надежды было у нее на жизнь в этом городе. Но где-нибудь еще, тогда она могла бы начать все сначала. И это было все, чего она могла желать.

«Тогда я прошу вас о доброте», — сказала она, — «и умоляю вас помочь мне в этом. Я подумаю, стоит ли сообщать об этом моим друзьям, хотя я и опасаясь большого риска».

«Так и будет», — кивнул священник. «Я найму водителя завтра, потому что сейчас уже довольно поздно. Но я думаю, что ты должна написать хотя бы слово для своих друзей, так как я уверен, что они обеспокоены».

«Как и я, отец».

Она действительно была уверена в этом, теперь, когда ее разум прояснился, два благочестивых старца восстановили в ней веру некоторых хороших людей в этом мире. И она подумала об Эсме и поняла, что было бы несправедливо подозревать бедную девушку. Девушка не только не упрекнула бы ее за то, что она защищала себя, но даже одобрила бы это. Почему же тогда она так иррационально боялась?

Смутно, в глубине души, она могла чувствовать причину этого. Но сестра Бирна пошла на такие меры, чтобы утешить ее, давая такие слова уверения и восторженные обещания безопасного путешествия, все подтвержденные священником, что все страхи, рациональные или нет, постепенно утикли.

Но как только сестра и священник ушли, Мастема пошевелился вокруг ее запястья.

"Госпожа."

«Ты что, вредитель?»

«Я вижу, ты не в хорошем настроении».

«Я не. Я не могу праздновать убийство человека, и не могу быть разыскиваемой за убийство в моем первом городе в этом мире», — сказала она. Но, по правде говоря, ее настроение значительно улучшилось, если бы не ползучее напоминание на ее запястье о темном деянии.

«Я думал, это было хорошее убийство. Ты жалеешь о содеянном?»

«Я сожалею об убийстве. Но не о том, что... что негодяй мертв».

«Один шаг в правильном направлении, говорю я. Мне нужно обратить ваше внимание на кое-что, госпожа.

«Так я и поняла». Корделия сняла одежду и начала мыться. Крови было больше чем она ожидала, также все ее тело было покрыто грязью. Ее юбка была полностью испорчена, а шаль, одолженная у Эсме, была утеряна. Возможно, это и к лучшему, потому что она боялась снова надевать ту одежду, в которой ее видели до убийства.

Мастема поднялся повыше на ее руке, подальше от плещущейся воды. Его крошечная голова торжественно поднялась, чтобы подчеркнуть серьезность ситуации. «Помнишь ту тень на городской стене?»

Она остановилась, наклоняясь, мокрая ткань капала ей на ногу. «Да».

«Я совершенно уверен, госпожа, что это был эйнхерий, как и вы».

Ее ослабленные нервы снова напряглись. «Что ты сказал?»

«Они следят за тобой, госпожа. Пока что они ждут. Но покинуть этот город было бы самоубийством!»

<http://tl.rulate.ru/book/114908/4476764>